

Да кому они нужны, твои горы! Сегодня! Ты открой газеты, журналы — людям еды не хватает, надеть нечего. Страна разваливается на клочки, тут волнения, там драка, а ты — про Памир!

А я — про Памир. Потому что улягутся страсти, возьмет верх благоразумие, остынут горячие головы — и тогда опять и опять увидим мы, что жизнь чего-то стоит, если можно взять рюкзак, сесть с друзьями в поезд или на самолет, и улететь далеко, где все так же пробивают облака снежные вершины, где сияет вечное солнце, и улыбка встречных согревает сердце радостью. Даже в наши времена.

* **

ДВОЕ суток дороги в компании друзей проходят незаметно.

Пролетел поезд лесами безрезво-хвойными, пробежал приволжской степью, прокатился у подножья волгоградской

чу нам пелена тумана, пошел холодный дождь — а мы улыбаемся: дождался, вот и горький!

Там, где каньон чуть расступается, — абрикосовый сад. Здесь в Кшемыш впадает чистейший ручей. Грех не оста-

разные места — но с подобной красотой и с подобной чистотой в первый раз встречаюсь я, Каранкуль-Катта. Каждый камешек на дне даже в полночь виден мне...».

И в самом деле, все, о чем мечтает туристская душа, она здесь находит: и скалы всех форм и цветов, и арочные рощи, и близкие, сползающие со склонов Бойчек, ледники, и бирюзовая вода.

Завтра — дневка. Поэтому долго сидим у костра, поем.

* **

АККЛИМАТИЗАЦИЯ в жестких условиях Памира — дело важнейшее. Тут спешить нельзя: уложись группу.

Поэтому на дневке без рюкзаков поднимаемся на перевал Кударктыр (3900 м над уровнем моря), фотографируем ледопад Райгородского —

ла, не дает отдышаться. Перекусили у ручейка в затишном месте, пересекли плато, сфотографировали пик Боец и поехали вниз да вниз, к старому знакомцу Кшемышу.

* **

ВТОРЫЕ сутки сидим в тучах. Сначала даже интересно наблюдать, как ползут они снизу к нам, накрывают густым промозглым туманом, потом уходят наверх. То ничего не видно в двух шагах, то вдруг на миг растянет занавес — и покажутся вдали белые стены пика Кшемыш, то вновь ничего вокруг, только сердито шипит костер, да по палаткам стучат капли.

Все это быстро надоедает, да и беспокойно на душе: нам идти высоко, на перевал Шуровского (4400 м), а там сейчас снег, замедляет трещины, укрывает крутые склоны зыб-

шумно летят лавины, темно сияет небо.

Стояли бы и стояли, но время торопит: очень круто, используя веревку, спускаемся на ледник.

Только в сумерках мы, наконец, ставим палатки у тихих неброских озер Шуровского.

* **

ВОСХИТИТЕЛЬНО звездная ночь застает нас у маленького глубоко-синего озера, закрытого от ветра и шума воды. За озерцом — крутые красноватые скалы. Напротив нас — крутые склоны ущелья Джиптык. Звезды совсем рядом, они светлячками летают над озером.

Утром опять погода. Как ни прячем лица, руки, ноги — все мы обгорели на солнце, лупятся носы, щеки, растрескались губы. Девочки идут в марлевых повязках, бородачатым ребятам легче.

С каждым шагом открываетсся нам новый ледопад, нависший над кручей ледник, водопад, гигантские трещины. Сколько дней идем, а места все красивей и все суровей! А спуск все трудней и трудней: камни, камни, ни метра ровной дороги.

И когда усталость берет свое, с радостью вижу справа зеленую полянку, чуть выше — арчу, ручеек. Все! Дневка. Такое место, что и в Швейцарии не сыщешь. Так что завидуйте нам, люди! Мы счастливы.

Спустили со склона сухую арчу. Впервые за несколько дней развели костер. Жизнь прекрасна и удивительна. Мы — и лед. Мы — и снег. Мы — и горы. Мы — и небо. И ни забот, и ни хлопот. Не это ли — счастье? Жаль, что короткое...

И все же вспыхивают дискуссии — споры о жизни, политике, ценах, учебе, истории, прошлом и будущем. Ничего не удается забыть. А жаль.

* **

ЗА ПЕРЕВАЛОМ — летовка, старик-хозяин который угостил нас бараниной, чаем, накормил лепешками и — ко всеобщей радости! — дал к ужину пару килограммов картошки. Вот по чему мы соскучились!

Сфотографировали мы старика и его внуков, и тропой, плывущей высоко над Каравашинном, садами, дорогой долго шли по склону хребта, прощаясь с горами. К вечеру пришли в сад моего давнего знакомого — Раджаба, мудрого и доброго старика-деханана.

И опять текли разговоры о Беларуси, жизни, детях и внуках Раджаба. Безубоко улыбаясь хозяин, подкладывая нам абрикосы, урюк, лепешки. И удивленно спрашивал, что же нам всем не хватает в стране, где такие горы, такие сады и так много хороших людей?

Что можно было ответить ему?

* **

И ХОТЕЛЕСЬ подольше оставаться у Раджаба.

И хотелесь не уходить никуда.

Но кончался отпуск. Но впереди был еще Коканд с базарами, мазаром, мечетями, баней — хамомом, и Ташкент, и дорога домой — самая короткая, и самая долгая из всех дорог на земле.

Забылась усталость. Зажили ссадины. Сошел загар.

Мы смотрим снятые слайды, фотографии, кинофильм. Мы радуемся, что все прошло, все с нами, и можно обо всем вспоминать с друзьями.

И говорим друг другу: красота, и впрямь, спасет наш мир.

Борис ГАНКИН.
Фото Тимура ГРИБА.

ЧЕГО НАМ ВСЕМ НЕ ХВАТАЕТ..?

Матери-Родины, оставил позади полупустыни и пустыни — и вот уже мы бродим по Бухаре, где все так же невозмутимо стоят минареты-башни, так же загадочно прекрасен мавзолей Самонидов, грозно возвышается Арк — крепость эмиров. И так же шумит-кричит базар, неторопливо текут беседы в чайхане, тает во рту сахарная дыня, неповторимо ароматна горячая лепешка. Куда спешить? Живи себе, наслаждайся. Вот и аисты смотрят вниз с минарета: что вы, люди, вечно суетитесь?

А как не спешить: отпуск велик, планы большие, и мы спешим в Самарканд, где коврами стелются стены Регистана, голубеет неповторимый купол усыпальницы Тимура — Гур-Эмир, где можно помолчать у стен мечети Биби-ханым, а потом вспомнить легенды у мавзолеев комплекса Шахи-Зинда, в которых долгие века спят ученые и святые, правители и их родственники, грозные воители прошлого.

Туристов почти нет: начитавшись газет, боятся люди ехать сюда, и поэтому то и дело останавливают нас встречные: откуда вы? О, из Беларуси? Очень хорошо. Минск всем знаком, многие у нас служили, приглашают к себе. Некогда: время поджимает, пора — нас ждет Памир, его Матчинский узел.

И мы спешим: снова поездом, автобусами, полугнутыми машинами — в горы!

* **

У САМОГО подножья гор в широкой долине — зеленое море абрикосовых садов — кишлак Ворух. Целый город. Жители его приветливы и улыбкины, а случайный попутчик наш, Сайдриндин, парень лет тридцати, увлекает нас к себе: после долгого пути отдыхаем в комнате, усталанной коврами, пьем чай, мажем лепешки абрикосовым вареньем, говорим о жизни.

А еще через пару часов уходим по узкому каньону бурной реки Кшемыш — это начало долгой дороги.

Серый поток мечется, закатывает каменными стенами, гневно кричит. Куда-то ушло солнце, ползает по каньону навстре-

новиться. Набрали абрикосов, сварили компот да кашу, жить можно! А дождь усиливается, мы — в облаках, даже вершины деревьев закрыты ими. Спать!

* **

УТРОМ — ослепительное солнце. Мгновенно высохли палатки, вещи.

Круто — вверх и вверх — идет над рекой тропя, огибает дугу по склону, проводит мимо летнего кишлака Кшемыш и выводит в широкую долину ласково-певучей голубой речушки Нурлоу.

Вот слева синее озеро, давно кончились абрикосовые деревья, и арча темнеет на склонах — мы уже высоко.

Впереди — тяжелый, высоко взметнувшийся склон гигантской плотины: обвал, засыпал ущелье, и там, под ледниками, образовалось прекрасное озеро. Еще два часа крутого, сбивающего дыхание подъема — и мы на берегу Каранкуль-Катты. Я уже бывал здесь, здесь мы с сыном сочиняли когда-то песню:

«Где бывал — не перечесть, и нужда в том вряд ли есть, приходились по душе

шестисотметровая падающая вниз река из льда, изучаю хорошо видный отсюда предстоящий нам подъем на перевал Двойной и возвращаемся в лагерь.

Следующая ночевка — на морене под перевалом. Назеленой травяной площадке под дождем и градом (ну и погода в этом году!) быстро ставим палатки. Неожиданная радость: по полянке рассыпаны шампиньоны! И это на высоте около 4000 м! Шумят примусы, грибной бульон обжигает горяч и аппетитен.

В темное небо в просветах туч проглядывают две седловины перевала с ледовыми карнизами на них. Брать будем более высокую — правую.

Четыре часа тяжелой работы — вот что такое подъем на перевал. По скалам и осыпям. Без отдыха: круто вверх да вверх. А на перевале карниз — словно набравшаяся и мгновенно замерзшая прибойная волна. Так и кажется — сейчас рухнет вниз. Но мороз строит прочно.

Ветер соняет нас с перева-

кой ватой, готовой в любой момент сорваться вниз лавиной.

Одна надежда: лето, солнце сильное, авось, растопит, разгонит облака, очистит небо, осветит наш путь. Мои молодые друзья-студенты не дают мне покоя: пойдём да пойдём, зачем сидим! Сейчас они распелись у костра под гитару Лени. Чему-то смеется Лена, сушит вещи хозяйственный Игорь, завхоз Миша сосредоточенно высчитывает нормы продуктов... А у меня на душе — тревожно и пасмурно: наверху идет снег...

* **

ЧУТЬ ПОСВЕТЛЕЛО, выглядывая из палатки — сказка да и только! Небо чистое, горы открыты, радостно выдыхаю: «Подъем!».

И через час мы уходим по леднику. Снег лежит плотно, хорошо обиваются ступени, и круто, без веревки, мы поднимаемся на верхнюю седловину перевала.

Боже, что за красота! Стоят исполины, побеленные в честь нашего прихода: пики Шуровского, Федченко, Хергани, голубеют ледовые стены, бес-

